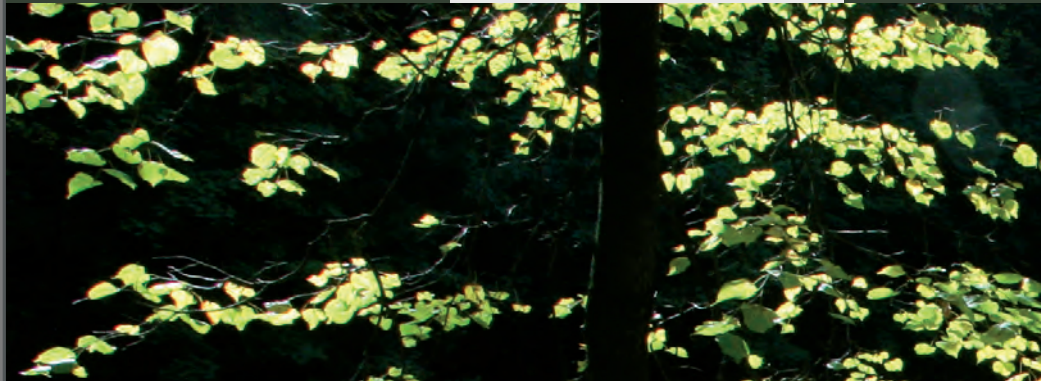

Елена Саран

Свидание

Елена Саран

Свидание

Москва

«Воймега»

2010

УДК 821.161.1-1 Саран
ББК 84 (2Рос=Рус)6-5
С11

Е. Саран

С11 Свидание. — М.: Воймега, 2010. — 72 с.

ISBN 5-7640-0103-X

© Е. Саран, текст, 2010
© С. Труханов, оформление, 2010
© «Воймега», 2010

I

* * *

Следи за каждым шагом,
Внимательно следи.
Под чёрно-белым флагом
По городу иди.

Под чёрно-белым флагом,
Чьи буквы что следы.
По городским бумагам —
Путем зерна, слезы.

Взаимодействий слабых
Не постигая суть,
Фиксируй их хотя бы,
Хотя бы чутким будь.

Сейчас лишь это нужно,
Сейчас такой момент.
Потом обсудим дружно
Сей фотодокумент.

Потом, когда проявим
То, что рисует свет,
Мы говорить заставим
И неживой предмет.

Размытый угол дома,
Лепнины ледоход.
Но вспыхнет, как солома,
Кирпич второго тома —
И всё с собой возьмёт.

* * *

Наши взгляды брошены, как зёрна,
В почву благодатную пространства.
Справа от меня, другим невидим,
В воздухе цветок образовался.

Справа от тебя — такой же точно,
Кисточкою тонкой нарисован.
Я таких не видела растений
Ни в одной мне принесённой книге.

Видно, это где-нибудь на небе
Есть ковёр такой, что ими заткан.
Что сравнится с ними? Только имя —
То, которым ты однажды назван.

* * *

Перешагнуть границу — вот и всё.
Перелететь, составом переехать.
Её змея, попав под колесо,
Мне что-то хрустнет. Маленькое эхо
От противоположного холма
В пространство троекратно отразится
И узеньким носком венки традиций
Подденет и отбросит. Хохлома,
И палех, и торжественная гжель,
Финифть и скань, и тульский медный пряник —
Всё канет в Лету, и льняная ткань
Посылки этой сундучок обтянет.
И всех твоих бирюлек череда,
Пугавшая тебя в твоём «когда-то»,
Пойдёт ко дну. Тяжёлая вода
Поглотит всё, и лишь рожденья дата,
Написанная пальцем на воде,
Перенесётся в точности на небо —
Тысяча де-, о, ты, тысяча де-
Вятьсот шести десят какой-то невод!

Прогулка

Мною было куплено десять роз.
Может быть, это куст рос.
И это были розы с одного куста.
А может быть, это другие места
Были роз лишены,
То есть — прорежены.

Нет, это были розы с разных кустов.
И все они были разных цветов.
И каждая запах имела свой,
И все эти запахи над моей головой
Образовали светящийся нимб,
И ты не за мной пошёл, а за ним.

На расстоянии трёх шагов,
На расстоянии двух шагов.
На расстоянии шага — но не за, а сбоку.
Так мы перешли дорогу.

Я наблюдала тебя боковым зреньем.
О, не с презреньем и не с подозреньем!
(Потом, когда наши взгляды слились,
Все наблюдения оборвались.)

Вокруг нас гремели машины,
Выплёвывая использованные бензины,
Плевались газ-водой автоматы,
Стук по ним раздавался, слышались маты,
Кричали цыганки, летели копейки,
Звенели стаканы — поешь-ка, попей-ка

В таком опрокинувшемся жару,
Кожу снимающем, как кожуру.

Ты мне задал один вопрос:
Кому вы купили десять роз?
Тебе — я могла бы сказать в ответ,
Но я сказала: не вам, нет.
И мы продолжали свой путь.
Тебе нужно было шаг шагнуть,
Шаг приставной,
И ты его сделал
И пошёл рядом со мной.
А я шла, прижимая к себе колючие розы
И продолжая отвечать на твои вопросы.
Но что это были за ответы!
Это были скорее тебе приветы.

Деревья от нас шарахались, а люди
Были нам с тобою по груди.
Вернее, мне по грудь, а тебе — по пояс.
И откуда-то сверху до меня доносился твой голос.

Из-под ног у нас вылетали птички,
Все до одной — невелички.
А потом у тебя из кармана выпали спички
И ты за ними нагнулся, а когда разгигбался,
Мой взгляд, который с твоим до этого не встречался,
Встретился с ним и в нём остался.

* * *

Ты говорил мне, что времени нет
Как такового.
Может быть, я говорила, на свет
Щурясь, но слово

Есть, значит, что-то отмечено им,
Или, обратно,
Что-то творимо — и мы говорим
Дальше невнятно.

Видишь, мы рядом с тобою идём,
Шаг замедляем.
Ангел, над нами проведший крылом,
Шествует раем.

Тот, что потом непременно падёт
В бездны сомненья,
Колет апрельский игрушечный лёд
Без сожаленья.

* * *

Какой-то особенно быстрый поезд,
Быстрый поезд метро.
Какой-то особенно чистый голос
У мальчика из бистро.

Какой-то особенно чистый воздух,
Чистый воздух весны.
Какой-то особенно долгий отдых
И короткие сны.

И — нет тебя, нет. Даже если будешь
Считать ворон со сторон,
К тебе налетевших, — ты не забудешь
Дня своих похорон.

Когда ты ещё умолял и плакал
И говорил, что «нет!» —
Уже восковыми слезами капал
Свет горний на дольний свет.

Ах, это ж просто горела свечка,
Свечка в твоих руках.
Лета, конечно, большая речка,
Так что понятен страх.

Но перевозчик имеет опыт,
Собственно, ты и знал.
Душ мимолётных ребячий ропот
Чуть тебя раздражал.

Что уж, ты думал, роптать на Бога,
Коли душа крива?
Лодочник молвил: «Ещё немного.
Видишь, уже трава».

Сумасшедшая Лида

По городу ходила большая... не крокодила,
А разросшаяся сумасшедшая в клетчатой юбке,
Напомятая шотландца.
Долговязая сумасшедшая в драном плаще,
Напомятая испанца.
Неуловимая и летучая —
Напомятая голландца.

Она мелькала по городу,
Как пёстрый флаг,
И мы её называли так:
Сумасшедшая Лида!

На одной ноге у неё был зелёный башмак,
А на другой — синий башмак.
А на руке был какой-то знак,
И на другой — точно такой же знак.
А на одном ногте был лак.

Как-то зимой
Шла по городу Лида с сумой.
Ей туда бросали чёрные корки.
Иногда — со следами чёрной икорки.
(Времена это были давние,
Окна были со ставнями,
Ставни были с засовами,
Дети были с обновами).

Сумка на морозе у Лиды дубела.
Лида шла и песенку пела.
Сумку она держала двумя руками.
И кто-то в неё кинул камень.
Метился в сумку, а попал в Лиду.
Просто так, ни за какую обиду.
Камень летел не прямо,
А немного наискосок.
И попал прямо Лиде в висок.
Висок у неё был, как скорлупка, хрупкий.
И, как скорлупка, хрупнул.
Камень не остался у неё в голове,
А пролетел насквозь.
Если б была трава, он бы лежал в траве.
Но была зима, и в снег он вошёл, как гвоздь.

А что стало с Лидой?
А ничего. Как шла, так и шла.
Потому что она в этом мире,
Где камни в людей кидают,
Давно уже не жила.

* * *

Столкновение с реальностью.
Все молчат.
Кто-то сказал: «Приплыли».
Но не добавил: «Сушите вёсла».
Потому что вёсел не было.
Не было также руля и ветрила.
Да и сам корабль был призраком.
Столкновение с реальностью
Перевело его в разряд действующих кораблей.
Но без вёсел, руля и ветрила
Он стал медленно погружаться.
Мы, как крысы, побежали с тонущего корабля.
Но далеко ли убежишь, если вокруг — море?
Но вера без дел мертва,
И мы побежали по воде, аки посуху.

II

* * *

Снег укрыл крыши домов.
Только слышен шорох машин.
Стихло всё, и в этой тиши
Тихо вьётся над крышами дым.

Шар-птица (воспоминание о...)

На радость вам и мне
В глухую эту пору
Средины декабря,
Недели за две до
Христово Рождества
(У православных — нет),
Я сквозь кино окна
Задёрнутую штору
Узрела первую
Шар — не кометы, нет!
Комета — в январе,
Сейчас — декабрь в разгаре,
И ночи чёрные-пречёрные в ударе,
И редок свет.

Всё было так:
Уж за полночь — не очень,
А только-только стрелка отошла
От мамы-дюжины и только я легла
(Не спать, а так) на узенький диванчик, мыслей мало
Имея в голове, желаний — в теле,
Как вдруг...
Лицом к окну,
Задёрнутому плотной
Шёлковой шторой —
Шёлка не простого, тиснёного,
Похожего — как странно! —
И не похожего, а в точности такого,
Как облачение праздничное в церкви
Её служителей! (Что было мной с волнением

Подмечено потом во время службы,
Да лет так через пять! Вот это память!
Да, я почти что ничего не помню.)

Вернусь туда. Я прилегла, затылком
Касаясь поручня. Он был немного шаток,
Немного жёсток, деревянен, лаков.
И сколько так лежала я? Не знаю.
Недолго, долго, что такое долго?
Передо мной во всю длину стены
Тянулась занавеска, что струны
Карниза приземляла натяженье.
Вдруг за окошком началось движенье.
Бесшумное, как сорок тысяч братьев
Глухонемых, нет, тише — нерождённых!
Прямолинейное, как несуществованье
Шар-птицы, шара, шара из огня!
Со скоростью... примерно час в минуту.
Так ровно-ровно, так прямолинейно,
Бесшумно, умно, даже мудро так!
А я лежала.
Как только оно
Покинуло моё окно-кино,
Я, ясно, встала, штору прочь, смотрю:
Я всё это видала, всё видала.
Фонарь, аптека, здание вокзала,
Пустая rue!

И мне ничто не показалось странным.
И так бы всё былъём и поросло,
Когда б не... Впрочем, словом иностранным
Не стоит засорять реки русло.
Rue — это улица. Она была пуста.
И не было на ней ни человека,

Ни зверя, ни собаки — темнота
Скрыть не могла отсутствия хвоста,
Копыта, ока, скул, ресницы, века...
Чего угодно — только б это кто
Было, а не что одно сплошное.
И чтобы это кто не было мною.

Так вот. Всё было бы забыто, если б не...
Не этот неживой пейзаж в окне,
А свежая газета прямо к кофе
Послеполуденному, день на третий; мне
В руки, мне в глаза своей заметкой,
Ничуть не броской, но куда как меткой!

Читатель Эн! Он это видел тоже,
Тогда же, у меня мороз по коже, —
Сквозь плотную задёрнутую штору —
О ту же пору!
Не житель дома с номером моим,
А житель дома с номером другим.
На улице другой, в другом квартале,
Районе города. Но я ведь не из стали!
А время снова полночь. И штора
Опять задёрнута! (Здесь не хватает хора.)

Читатель Эн газеты городской!
Глядел ли ты в своё окно с тоской
Неведомой и с пустотой в груди?
И если не глядел, тогда — гляди.
Всё декорации. Деревья, их листочки.
Так это же зима? Другие строчки!
Всё — декорации. Фонарь, аптека, снег,
Дома, деревья, окна, в окнах — свет.
И ни рождений, ни смертей здесь нет.

* * *

Мы переходим в мир иной,
Не покидая мир земной.
Мы совершаем этот шаг,
Не объяснив его никак.

Мы ставим с пятки на носок
Ступню слегка наискосок.
Сопrotивляется земля
Закона притяженья для.

И вот мы там, хотя мы здесь.
И вот нас нет, хотя мы есть.

Оттуда смотрим мы сюда —
И всё нам кажется иным.
Иначе светится звезда.
Совсем не так клубится дым.

Не вверх, не вниз, не вокруг, не вбок,
И не в ничто, не в никуда.
Скорей, на западо-восток,
На юго-север, в точку, да,
На юго-север.

* * *

Смерть, так похожая на жизнь,
Жизнь, так похожая на смерть.
Что хочешь мне сказать — скажи.
Что это как смотря смотреть?

Что эта двойственность во всём,
Что заколдован этот круг,
Что крест, который мы несём,
Есть тоже дело наших рук?

Что надо досчитать до трёх
Хотя бы? Только не о том
Я говорю тебе, мой бог,
Нет, я о более простом.

Я шла вчера часу в шестом
По улице и на пустом
Вдруг месте, как на запятой,
Запнулась. Вместо жизни той,
Что мимо только что текла,
Совсем другая жизнь была.

И я сказала мысли: стой.
И в голове моей пустой
Раздался лёгкий, слабый звон,
Несущийся со всех сторон.

А та, возникшая на миг,
Была как книга среди книг,
В которой заключён рассказ
Про то, что в нас.

Свидание

1.

Прекрасными глазами
Сквозь розы в вазе
Кукла глядит, сидя на стуле.
Та, которая ходила когда-то.
Ты сломала её — сама того не желая.

Глаза её — синее небо в звёздах.
Кто даёт ей такую прелесть?
Может быть, я, глядящая на неё с любовью?
Но откуда у меня эта любовь к кукле?
Не смешно ли это,
Видеть в ней столько очарования?
И потом, переведя взгляд на всё остальное, —
Во всём остальном?

2.

А эти розы в вазе,
Расписанной другими цветами?
Семь роз, умирающих на длинных стеблях?
Колючки на них почти незаметны.
Но смерти нет.
Когда они высохнут, эти розы,
Я оставлю их в этой вазе,
Чтобы смерти не было
Ещё больше.
Да, я не предам их земле.
Я не выброшу их на помойку,
Чтобы там они разлагались
Вместе с чем-нибудь жидким.
Мумии — это те же самые куклы.

3.

Гербарий меня собирать не заставишь.
Так, случайно — заложишь книгу
Кем-то из крестоцветных
Или вьюном-берёзкой.
К ней через год вернёшься —
И поразишься цвету, запаху —
Всё сохранны.
Правда, и год — всего лишь
Тридцать раз по двенадцать.

4.

Лето ещё не спето, только начато.
Ближе к весне вернуться,
Чем до осени добираться.
Но к весне не вернуться.
Это странно, так странно,
Что почти невозможно
Ни понять, ни привыкнуть.
Вот пойду я обратно,
И снова в ворота лета
Войду, оглянусь, увижу:
«Добро пожаловать в лето!» —
И дальше пойду, и где-то
Посередине мая
Остановлюсь надолго —
Дней на пять или десять.

5.

И всё-таки — зелень лета.
Цвет её неповторимый
В период солнцеворота.

Как же, как же —
Уже не больше, а меньше
Начнут становиться дни.
Как же, как же —
И почему так скоро?
Белые ночи
Станут темнеть поминутно,
Потом и совсем померкнут.
Иголку Адмиралтейства
В сене тьмы не отыщешь!

6.
Уколешь палец —
И капля крови,
Алая, как розы в вазе,
Блестящая, как капля росы,
Покажется на поверхности
Слегка розоватой кожи.
Взберётся по капилляру
Стеклообразной трубочки тонкой.
Вот и всё — скажет доктор
В белом, как ночь, халате.

7.
Или зуб заболит,
И ты, в жару, изнывая,
Потащишься через Невский,
Свернёшь по бывшей Желябова,
С острой болью вне очереди
Пройдёшь и плюхнешься в кресло.
Она над тобой склонится...
Игла пронзит твоё небо

Ближе к десне распухшей,
Подействует заморозка...
Она извлечёт со скрипом
Корни бедного зуба...
Прощай! Ты верой и правдой
Служил мне уже лет двадцать...
Прощай навеки, товарищ!

8.
Москва... И вечный огонь
Возле стены Кремлёвской,
Почти невидимый в блеске солнца.
И — дальше, дальше,
В самое сердце...
Купишь мороженое по пути —
Лимонное или киви,
Бледно-зелёный шарик.
И на скамью присядешь.
Рядом с тобой итальянцы
Будут что-то кричать,
Гремя какой-то коляской.
Это будет свидание.
Ты будешь кого-то ждать.
Кто-то придёт, когда
Ты уйдёшь, не дождавшись.

* * *

Связь с миром обрывается легко.
Отключишь телефон, не включишь телик.
Живя у моря, не пойдёшь на берег.
Но разве это всё? Нет, далеко.
И что с того, что не найдёшь Америк,
Что, вспомнив про Панамский перешеек,
Махнёшь рукой на эту рифму — Терек,
И что тебе аукнется: истерик,
И что-то ещё там про молоко,
Обжёгшись на котором, велико
Желанье дуть на воду. Максу Броду
Привет от Кафки. Ах, как глубоко
Копнёшь, и хрустнет черенок лопаты.
И всех времён, народов супостаты
Тебя обступят. Курочка — ко-ко —
Тотчас снесёт волшебное яичко,
Сама собою загорится спичка,
И птица всхлипнет: ах, как широко!
И Днепр смутится.
И побежит по ниточке роса,
По проводу дрожащему — слезинки.
И сдерживаемая полоса,
Вязанка леса, избежав сурдинки,
Дань лету красному отдаст за полчаса.
О, это давняя моя любовь — леса.
И с ними тоже, как шнурок в ботинке.
Не зелен виноград, а высоко.

* * *

Город начинается не сразу
Возле самой городской черты.
Музыка его подобна джазу.
Ближе, ближе к сердцу — просишь ты.

Сердце бьётся,
Человек смеётся,
Каждый звук в парадной отдаётся.
Под ноги струится мостовая —
Мы живые, и она живая.

Ну а город, что это за город?
Пригород какой к нему подходит?
Зелени и влаги пышный ворот
Или степь бескрайняя подходит?

Пригорода нет, поскольку — море,
Кружевом украшенная кромка,
Янтарём посыпанная кромка —
Громко, это громко, слишком громко —
Звук убавьте, сделайте потише.

* * *

В городе на Неве
Тихо, как на небе.

Этим июньским днём
Тихо в нём.

Помнишь ли этот сон?
И тополиный сор,
И тополиный пух,
Что устилал нам путь.

Что по каналу плыл
И невесомым был.

И разноцветный Спас,
Что на крови, не спас

Нас — он стоял в лесах.
Полдень был на часах.

Если так на земле —
Как тогда в небесах?

III

* * *

Там были ландыши в тени больших деревьев
И над водой — прозрачный блеск стрекоз.
И птичьих пёрышек, ещё не птичьих перьев,
Встречались россыпи, и дуб поодаль рос.

И я под ним не как свинья сидела,
А как счастливый юный человек.
И взгляд мой, не имеющий предела,
Терялся в... и уходил поверх.

Сыра земля, гудящая от зною,
Которую пора бы целовать,
Была тверда, как небо, подо мною,
Кругла, как солнце, и добра, как мать.

И желудей, совсем ещё зелёных,
В листве дубовой было мне не счесть.
И голосов, отсюда отдалённых,
Мне слышалась одна благая весть.

Что в мире всё устроено любовью,
Всё, даже душу леденящий страх,
Когда к изножью или к изголовью
Она подходит со свечой в руках
Погасшею.

* * *

По тёплой ещё земле,
Под летним ещё дождём,
И яблоки на столе,
И в яблонях первый гром.

Как будто он в них ушёл,
Той первой грозы разряд,
И синего неба шёлк
Не знает, кто шелкопряд.

Кто зиждитель сих даров,
Ваятель лихих чудес,
Создатель земель, небес,
Заоблачных в них пиров.

Рождённый ползать, летать,
Стирая крылышки в кровь,
Не может этого знать,
И в этом его любовь.

Заглавная буква «эл»,
Что к небу прижмёт язык
И сердце одной из стрел
Пронзит на какой-то миг.

* * *

Бог дал нам землю и сказал: «Живите».
Она была безвидна и пуста.
Всё были незнакомые места.
Но было ясно, что сия обитель
Ему в угоду будет обжита.

Тень всех религий от ветвей креста
Ложилась на песчаный склон рельефа.
И полумесяц заданно блистал
Залогом круглолицего успеха.

Ты, как на гвоздь, повесил свой пиджак
На остриё каким-то зверем ветки
Обломанной. И это слово: «Так...» —
Так прозвучало, как звучат отметки —

Четыре, пять, отлично, хорошо.
Я на песке уже чертёж чертила,
Но вдруг тебе сказала, что забыла,
Что дальше, что за этим, что ещё?

* * *

Там, где течёт река Злодейка,
Я не бывала никогда.
Туда поехать есть идея,
Не знаю только вот когда.

Наверное, в начале лета
Произойдёт со мною это.

Куплю билет на электричку,
На дальней станции сойду
И даже, может быть, привычку
Так поступать приобрету.

И в этом пункте населённом
Сниму дешёвое жильё.
На берегу её зелёном
Всё лето пролетит моё.

Узнаю, какова Злодейка.
Наверное, она узка,
Быстра, прозрачна. И — копейка
Блестит на дне, где облака.

* * *

Вспомни звёзды.
Вспомни небо
Детства, полное алмазов.
Небо, полное сокровищ,
Оглушительно несметных.
Вспомни Млечного Пути
Вдаль зовущую дорогу.
Кто бы мог по ней пройти
Прямо к Богу?

* * *

Это именно косы берёз,
Это именно платица елей,
Это именно озеро слёз,
Это именно стоны метелей.

Это имя, ты им назови,
Как когда-то мы все называли
В том раю — до всего, до любви,
До того, как мы что-нибудь знали.

В том саду, в том бору, в том дворе,
В закоулках его и извилах.
В ноте «до», не дошедшей до «ре»,
И в сплетении струй говорливых.

* * *

Так до смерти будут сниться
Эти старые дворы.
Этих улиц вереница,
Эта лодочка-ресница
Возле меловой горы.

Поседеешь, постареешь,
Клюнешь носом — ан опять
В синем небе гордо реешь,
Начинаешь танцевать.

В ритме польки, в ритме вальса,
В школьной форме, на балу,
Возле ёлки, на полу.
Так вот там и оставайся.

Шар игрушечный, стеклянный,
Что разбился в прошлый год,
Весь на блёсточки пойдёт
Для короны осиянной.

Вот вам клей, а вот картон.
Будет вата вместо снега.
Этот нежный полутон
Слова «нега».

Так навеки и заснёшь
В этом сказочном сугробе.
И сомкнутся сказки обе —
Правда и святая ложь.

* * *

Обо всём молчали звезды,
Обо всём не говорили.
Облака по небу плыли,
Было поздно.

Все огни в домах горели,
Только кое-где темнели
Окна тех, кто не был дома
В это время.

Век двадцатый шёл, качаясь,
И чуть слышно, запинаясь,
Повторял слова молитвы
После битвы.

Шла и я ему навстречу.
Думала, что не замечу,
Но заметила, узнала,
Разузнала:

Двадцать первый на пороге.
Он моложе, но в итоге, —
Прошептал старик, — о Боже,
Будет то же.

А когда я оглянулась,
Я застыла, но проснулась.
Было утро, лето, Лета
За окошком лентой гнулась.

* * *

И попаду я в рай, и стану Евой —
Длинноволосой непорочной девой.
Гулять по саду буду я с Адамом.
С Адамом, ну конечно, не с Саддамом.

Гулять по саду, нет, не по маркизу,
По райскому, то бишь, по парадизу.
Срывать плоды с ветвей его доступных
И не иметь наклонностей преступных.

Смотреть спокойно на познания древо
И слышать: «Ева!»

* * *

Это осень в Петербурге.
Это дама в чернобурке
На сиреневом пальто.
Это драп и это кожа
Крокодиловая сумки.
А в подъезде — недоумки.
Или что-нибудь не то.

Это осень, осень, осень.
Листья, брошенные оземь
В Петербурге, не в Москве.
Это воротник, поднятый
Или поднятый. Распятый
Образ мыслей в голове.

Это жареные зёрна
Кофе, молотого тонко.
И совсем ещё девчонка
У кофейни на углу.
И прекрасная погода,
И ужасная свобода.
Просто страшная свобода
Стульев, сдвинутых к столу.

* * *

На синей сумке — звёзды и луна.
Казалось бы, рисунку грош цена.
Но это солнце, звёзды и луна —
И не могу я насмотреться на
Их сочетанье на болонье синей —
И над Россией.

* * *

1.

«Есть более весомый, грубый мир,
Мир, для которого мы — ангелы без плоти...»
Вы эти строчки где-нибудь прочтёте,
Подумаете: сочинил кумир
И графоман.
Окончен наш роман.
Вы — где-то там, а я — в глуши у тёти,
В Саратове. В нём пыльно и тепло
Уже весною. И скрипит стило.
И мухи в муках мрут на клейкой ленте.
И школьница мечтает о студенте
И к школьнику идёт ему назло.
О, сколько можно толковать о Бренте?
О, сколько можно эти рифмы длить?
Пора начать. Иль кончить. И — забыть.
Ни слова больше. Тсс — мы на охоте!

2.

Рога трубят?

* * *

А птичка поёт о весне.
Хотя ещё всюду снег.

Она о весне поёт,
Хотя ещё снег идёт.

И солнце ещё во мгле.
И снег лежит на земле.

Но в песне её тепло.
И мне от неё тепло.

Хотя ещё минус шесть.
Хотя это всё, что есть.

IV

* * *

Лето две тысячи первого года.
Это похоже на надпись на фото.
Фото похоже на старое фото
Тоже какого-то первого года.
Может быть, первого года творенья.
Время на нём — довоенное время.
Люди на нём — довоенные люди.
Этакие джентльмены и леди.
Ясно, что сделано до конца света.
Только не ясно, как сделано это
Летом две тысячи первого года.
Впрочем, ведь это не надпись на фото.

* * *

Ты — это то, что вне слов,
Вне чувств,
Вне мыслей.

О да, может быть, это — квадрат без углов,
Круг без радиусов,
Календарь без чисел.

Это особенное выражение лица тишины,
Которое воспринимается сердцем и им же передаётся.
Это мои ладони, которые сложены
Перед Тем, по воле Которого сердце бьётся.

* * *

Птицы спать не дают — поют
Перед самым рассветом.
Звуковое облако вьют
Ранним летом.

Их не видно среди листвы
Мне с балкона.
Но я знаю, что это вы,
Мне знакомо

Это... Это и впрямь они
Славят Бога
Каждый Божий день. Эти дни.
Их много.

* * *

Я не сплю — и кошка не спит.
На окне сидит и глядит.
Не мигая, глядит во тьму,
Так похожую на сурьму.

Как тюремщик в свою тюрьму,
Не мигая, она глядит.
Нет, она не сидит, лежит.
А рассвет уже брезжит.

И в зелёных её глазах
Цвета первой майской листвы
Отражается мир Барзах,
По которому грезим мы.

Я не верю её глазам.
Только знаю, что был азан.
Что уже кричал муэдзин,
Что Аллах Велик и Один.

Что Един Великий Аллах.

* * *

Здравствуйте-здравствуйте, господа облака!
Кажется, мы с вами где-то встречались
Сто лет назад — пока
Не расстались.

Там, в том поле, где карусели стоят
и вращаются до сих пор —
Да, конечно,
Это они над полем, это их убор,
Их теней узор проржавевший — и все там вечно.

Я и вы, плывущие надо мной,
Синеву небес открывающие предо мною,
Скрытой травой высокой, травой густой,
Тёмно-зелёной, начала лета травую...

* * *

Сны о прекрасном, о лете,
О полевой дороге,
Призрачном велосипеде,
Лесе в тяжёлой тоге
Елей, о найденных бусах,
Потерянных прошлым летом,
О мае, об автобусах,
Где не надо с билетом...

* * *

Появляется солнце средь бела дня,
Озаряет углы городских квартир,
Перекрёстки, улицы и меня,
Посетившую некогда этот мир.

Свет идёт рассеянный, словно снег,
Или плотный, плоский, стеной, лучом,
Он ломает всё, разделяет всех
И соединяет — а я при чём?

Я при том, что где-то, где света нет,
Там, за гранью нежной блестящей тьмы,
Проявляется вечно живущим «нет»,
Еле слышным «да» и отцветшим «мы».

Стена и листва

О, эта листва и кирпич стены,
Что в вас такого?
И почему возникает вы
Снова и снова?

Этот кирпич и листва весны —
Рядом, касаясь, —
Мне почему-то очень нужны,
Прямо на зависть.

Я прилагаю ладонь к стене —
Может быть, клятва
Там была мною дана и мне
Надо обратно?

* * *

Подражание N

Человеческий щебет и птичья счастливая речь.
Всё сольётся в одно и заглянет в окно, и увижу,
Как беспечное лето, оставив среди горницы печь,
Занимает весь свет и взбирается с кем-то на крышу.

Помнишь, в доме чужом, шедшем на капитальный ремонт,
Мы взошли на чердак, и оттуда, влекомые словно,
На покатую крышу ступили, кто этак, кто так,
И застыли, вцепившись в коньки и карнизы,
 скульптурною группой.

Ты — сказала мне ты, Я — ответила я, и мгновенно
Зазвенело стекло и разбилось, и стало прозрачно.
Только сизая кровля и, словно в бинокль, — скамья,
На которой мы вскоре сидели как обыкновенно.

* * *

Ах, какой-то странный мне приснился сон.
Мёртвые с живыми сели там за стол.
Мёртвые с живыми пили, говорили.
А о том, кто мёртвый, кто живой, — забыли.

Я не помню точно ни имён, ни лиц.
Только помню точно, что там был Денис.
Он кому-то что-то тоже говорил.
Внешне был таким же, как всегда он был.

Только он чуть дальше от стола сидел.
И пододвигаться ближе не хотел.
Нет, он был не грустный, он весёлый был.
Он сказал, что это — сказка, а не быль.

Сказка, сон, придумка,
Просто диафильм.
Шапка-невидимка,
Так, для простофиль.

Так он и остался
Там, во сне моём.
Сне, который помню,
Вспоминаю днём.

* * *

Дети хотят быть взрослыми,
Взрослые хотят быть как дети.
Ту-ту-у-у — гудит пароход.
У-у-у — гудит самолёт.
А поезд стучит колёсами.

V

* * *

Я, вечер, речка по колено.
За речкой — лес, за лесом — степь.
А рядом — город мой нетленный,
Простая песня крыш и стен.

И почему-то, отчего-то,
Как первый лист, как голый клён,
Там золотой небесной ногой
Церковный купол наделён.

* * *

Не впасть в заблуждение.
Впасть в заблуждение.
Впасть в заблуждение
И выпасть из него.
Остаться так, в пустыне... Ничего...

Идти искать колодец и оазис?
Нет ничего. Лишь над надстройкой — базис.

Нет никого в пустыне и степи.
Земля и небо. На него ступи.
И перепутай их, ходя по ним.
Увидишь путника под вечер.
Станешь им.

* * *

И входишь в мир, текучий, как вода,
Дрожащий, словно воздух над дорогой,
Гудящий, как столбы и провода,
Податливый и говорящий: трогай.

И исчезаешь в нём.
И днём с огнём
Найти не можешь собственного тела.
Своей души, границы и предела.
И сердце тает, словно было льдом.

* * *

Что-то происходит где-то в душе.
Там кто-то ходит, неслышно уже.
Ходит, выходит, и в пустоте
Что-то происходит. Как это тебе?

Передвигали мебель,
Но вот уж и мебели нет.
И облака на небе
Растаяли; даже свет
Кажется, не участвует в этих делах.
Одежда висит на стульях,
Скатерти на столах.

Здесь, а там — что такое?
Что это за объём?
При этом в таком покое
Всё меняется в нём.

Но не так, как на небе
Меняются облака.
Там что-то совсем другое,
Я не знаю пока.

* * *

И это надо сказать словами.
Как пройти дальше — не говорится.
Я это вижу своими глазами,
Но там граница, она гранится.

Она куётся моим же взглядом,
Моим же нюхом, моим же слухом.
И потому она так прозрачна
И так надёжна,
Что даже можно
Пройти сквозь стену
И сквозь систему.

И это надо сказать словами.
Теряя рифму,
Диктуя ритму.

* * *

Сядет солнце. Наступит ночь.
Это каждый может сказать.
А потом будет новый день.
Я не знаю, как его звать.

На рассвете определить
Я попробую этот звук.
Различить его, уловить
И сказать ему: «Здравствуй, друг!»

Ты не тот же, что был вчера.
И на завтрашний не похож.
Светотени твоей игра
Эксклюзивна, и не найдёшь
Твоей копии, близнеца,
Слепка близ твоего лица.

* * *

Этот дрожащий воздух,
С неба идущий свет.
И пребыванье возле,
И ускользанье вслед.

Можно пройти в ту область,
Но непонятно как.
Это деталь, подробность.
Это какой-то знак.

Помнишь, однажды летом...
Только-то и всего.
И — ничего при этом
Больше, и никого.

* * *

Задавать вопросы,
Получать ответы.
Идти по дороге, тропе,
Дну оврага.
По руслу реки пересохшей,
В котором — влага.

Трогать стволы деревьев,
Глину, песок, сплетенья
Корней, обнажённых ветром,
Водою; и, метр за метром
Осваивая эту местность,
Уходить в неизвестность.

* * *

Так выглядит море. Барашек, барашек... Да нет.
Зеркальная гладь безмятежного ультрамарина?
Скорее всего, это даже вообще не картина.
А если картина, тогда не пейзаж, а портрет.

Когда я впервые с ним встретилась, вышла к нему,
Когда показалось оно меж землёю и небом,
Я вспомнила что-то, чего я сейчас не пойму,
Узнала его — существо и стихию при этом.

Как выглядишь ты? Что ты видишь? Куда ты идёшь?
Я стану тобой, может быть, на одно лишь мгновенье.
Себя потеряю, и ты меня тут же найдёшь,
И это ни с чем не пойдёт ни в какое сравненье.

* * *

Одно за другое уходят деревья
 куда-то вглубь леса.
Туда, где в тумане и свете неверном
 таится глубь лета.
Его сердцевина, два семечка тёмных
 на светлом разрезе,
Две ягоды волчьих, два глаза огромных,
 сходящихся вместе.

И я уходила туда, и обратно
 сюда возвращалась.
Листва говорила со мною невнятно,
 и всё разрешалось.
Среди бурелома сама находилась
 собою тропинка.
И сердце как будто бы даже не билось,
 а было — и было.

* * *

Я теряюсь во времени и пространстве.
В настоящем времени. В небольшом пространстве.
Я теряюсь.
Теряется моё Я.
Оседает пылью на мебели,
Вешается на верёвку в виде белья,
Становится рифмой
Там, где её не должно было быть.
Я — это местоимение.
Может быть, это нить?
Благодаря которой я пройду лабиринт...
Или же это бинт...
Впрочем, не важно, лишь бы
Только не упустить —
То, что имеет место, то, что умеет быть.

* * *

Слово...

Ловушка смысла, силки, клетка, капкан, сачок.

Просто ладонь лодочкой, кулачок

Зажатый.

Кто там? Бабочка или жучок?

Полудетство

Или полудевство.

Цепочка, ткань, текст,

Живущий в своём ритме.

Буквы — ноты, значки,

Семечки.

Кто их сгрызёт и съест?

Какая птица склюёт

Эти чёрные ягодки?

И запоёт.

* * *

Перед моими глазами мгновенно прошла вся твоя жизнь —
От рождения до самой смерти.
Целая вереница твоих фотографических лиц —
Как на киноленте.

И из каждого окошка ты смотрел на меня,
Из каждого кадра.
Такого-то года, такого-то месяца, такого-то дня.
Вчера, сегодня и завтра.

* * *

Я посетила этот сон.
Я всё узнала в нём.
Был город снегом занесён,
И это было днём.

Я шла вдоль вывесок, витрин,
Я заходила в них.
И там был манекен один,
Как будто бы жених.

Его невеста на скамье
Сидела, вся в снегу.
Как будто из маше-папье,
И розовел лишь губ
Едва заметный лепесток.
И индевел цветок.

И в недрах этой лавки грёз,
Средь ожерелий слёз,
Ответ был раньше, чем вопрос,
И смысл особый нёс.

Я только раскрывала рот,
Мне говорили: «Вот».
Шкатулки старый перламутр
Был элегичней утр,
Когда предсолнечный туман
Взор застилает нам.

Шла по краям её латунь,
Окован сундучок
Размером с детскую ладонь...
«Мадам, возьмите чек».

Содержание

I.

- «Следи за каждым шагом...»
- «Наши взгляды брошены, как зёрна...»
- «Перешагнуть границу — вот и всё...»
- Прогулка
- «Ты говорил мне, что времени нет...»
- «Какой-то особенно быстрый поезд...»
- Сумасшедшая Лида
- «Столкновение с реальностью...»

II.

- «Снег укрыл крыши домов...»
- Шар-птица
- «Мы переходим в мир иной...»
- «Смерть, так похожая на жизнь...»
- Свидание
- «Связь с миром обрывается легко...»
- «Город начинается не сразу...»
- «В городе на Неве...»

III.

- «Там были ландыши в тени больших деревьев...»
- «По тёплой ещё земле...»
- «Бог дал нам землю и сказал: “Живите”...»
- «Там, где течёт река Злодейка...»
- «Вспомни звёзды...»
- «Это именно косы берёз...»
- «Так до смерти будут сниться...»
- «Обо всём молчали звёзды...»
- «И попаду я в рай и стану Евой...»
- «Это осень в Петербурге...»
- «На синей сумке — звёзды и луна...»
- «Есть более весомый, грубый мир...»
- «А птичка поёт о весне...»

IV.

«Лето две тысячи первого года...»
«Ты — это то, что вне слов...»
«Птицы спать не дают — поют...»
«Я не сплю — и кошка не спит...»
«Здравствуйте-здравствуйте, господа облака!..»
«Сны о прекрасном, о лете...»
«Появляется солнце средь бела дня...»
Стена и листва
«Человеческий щебет и птичья счастливая речь...»
«Ах, какой-то странный мне приснился сон...»
«Дети хотят быть взрослыми...»

V.

«Я, вечер, речка по колено...»
«Не впасть в заблуждение...»
«И входишь в мир, текучий, как вода...»
«Что-то происходит где-то в душе...»
«И это надо сказать словами...»
«Сядет солнце. Наступит ночь...»
«Этот дрожащий воздух...»
«Задавать вопросы...»
«Так выглядит море. Барашек, барашек... Да нет...»
«Одно за другое уходят деревья...»
«Я теряюсь во времени и пространстве...»
«Слово...»
«Перед моими глазами мгновенно прошла вся твоя жизнь...»
«Я посетила этот сон...»

Книги, выпущенные и планирующие к выпуску в издательстве «Воймега»:

Ольга Нечаева «Птичье молоко» • **Алексей Тиматков** «Воздушный шар»
• **Андрей Чемоданов** «Совсем как человек» • **Всеволод Константинов**
«Седьмой путь» • **Александр Сорока** «Тутырь» • **Александр Максимов**
«Новый год-II» • **Александр Переверзин** «Документальное кино»
• **Михаил Свищёв** «Последний экземпляр» • **Мария Тиматкова**
«Настоящее имя» • **Светлана Бунина** «Удел цветка» • **Ната Сучкова**
«Лирический герой» • **Андрей Щербак-Жуков** «Дневник наблюдений
за природой» • **Денис Новиков** «Виза» • **Ирина Ермакова** «Улей» •
Ян Шенкман «Скоро придёт конец птице, оглохшей от собственного пеняя»
• **Григорий Кружков** «Новые стихи» • **Александр Тимофеевский**
«Размышления на берегу моря» • **Андрей Василевский** «Всё равно» •
Игорь Меламед «Воздаяние» • **Инга Кузнецова** «Внутреннее зрение»
• **Лета Югай** «Между водой и льдом» • **Вадим Муратханов** «Испытание
водой» • **Андрей Василевский** «Ещё стихи» • **Юлиана Новикова**
«Песок» • **Иван Волков** «Стихи для бедных» • **Юлий Хоменко** «Восьмое
небо» • **Светлана Хромова** «Память воды» • **Сергей Королёв**
«Повторите небо» • **Андрей Василевский** «Плохая физика» • **Андрей
Чемоданов** «Я буду всё отрицать» • **Ната Сучкова** «Деревенская проза»

Некоторые из этих книг можно приобрести в магазинах:

Книжная лавка Литинститута, Тверской б-р, д. 25

«**Фаланстер**», М. Гнездииковский пер., д. 12/27

«**Книги в Билингве**», Кривоколенный пер., д. 10, стр. 5

«**Гилея**», Тверской б-р, д. 9

Ната Сучкова. Деревенская проза.

редактор:

А. Переверзин

вёрстка:

Н. Крутова

корректор:

О. Тузова

дизайн серии:

С. Труханов

издательство «Воймега»

voymega@yandex.ru; alkonost@inbox.ru

Бумага офсетная.

Печать офсетная.

Формат 60х90 1/16

Тираж 500 экз.

Елена Саран родилась в 1963 году в Сайраме (Казахстан). Окончила Литературный институт. Автор книги стихов «Ученица» (Рига, 1990). Стихи и рассказы публиковались в рижских, петербургских, московских журналах, коллективных сборниках. Живёт в Москве.